

С. А. Чумаров

*начальник кафедры оперативно-разыскной деятельности
Сибирского юридического института МВД России*

О ПРОБЛЕМЕ ВЫНУЖДЕННОГО ПРИЧИНЕНИЯ ВРЕДА ПРАВООХРАНЯЕМЫМ ИНТЕРЕСАМ ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В соответствии с российским оперативно-розыскным законодательством основным содержательным элементом оперативно-разыскной деятельности (далее — ОРД) являются оперативно-розыскные мероприятия (далее — ОРМ). ОРМ предлагается разграничивать на гласные, негласные и смешанные; глубокие и поверхностные; ограничивающие конституционные права граждан и не несущие таких ограничений; оперативно-технические и не имеющие преобладающего или исключительно технического содержания и т. д. [1]. Между тем условно арсенал ОРМ можно также представить в виде совокупности инструментов, которые имеют сущностное сходство с уголовно-процессуальными средствами доказывания, и инструментов, которые в силу их специфики не имеют аналогов в других формах правоохранительной деятельности. Очевидно, что большинство ОРМ и уголовно-процессуальных средств доказывания объединяет то обстоятельство, что в их основе находятся универсальные закономерности познания, общим объектом которого является криминальный мир и происходящие в нем латентные процессы. Отсюда и яркое семантическое сходство наименований отдельных ОРМ и средств уголовно-процессуального доказывания: опрос — допрос, сбор образцов для сравнительного исследования — получение образцов для сравнительного исследования, прослушивание телефонных переговоров — контроль и запись телефонных переговоров и т. д. При этом не вызывает сомнений, что спектр возможностей оперативных подразделений в использовании таких инструментов значительно превышает пределы, ограничивающие действия органов предварительного следствия. Например, УПК РФ устанавливает требования об обязательном отражении хода и результатов допроса в протоколе (ст. 190), содержание которого отвечает особым требованиям (ст. 166, 167). В случае если проводились фотографирование, аудио- и(или) видеозапись, киносъемка, протокол допроса дополняется сведениями о технических средствах, заявлениями допрашиваемого лица и т. п. (ч. 4 ст. 190). В то же время опрос может проводиться как в гласной, так и в негласной форме, без уведомления лица о факте использования технических средств, применяемых для фиксации получаемой информации.

Одновременно среди инструментов ОРД ярко выделяются несколько ОРМ, которые характеризуются не внешним познанием процессов крими-

нального мира, а формируются с учетом эффективности внутреннего противодействия преступности.

В частности, С. С. Овчинский отмечает, что «процессуальная форма, регламентирующая ряд методических и тактических аспектов следственной и судебной деятельности, создает гарантии познания истины, однако опыт, практика наглядно подтверждают состояние противоборства, факты маскировки, лжесвидетельства, сокрытия известных обстоятельств недобросовестными свидетелями. Необходимо негласное проникновение в эту сферу специфических отношений, выведывание, констатация осведомленности отдельных лиц и ее пределов, обнаружение тайников и других мест укрытия предметов, которые должны стать вещественными доказательствами» [2]. Осознавая, что для решения перечисленных и иных частных задач ОРД требуются специфические методы и средства, законодатель вооружил оперативные подразделения такими ОРМ, как проверочная закупка, оперативное внедрение, оперативный эксперимент, контролируемая поставка. При этом следует подвергнуть критике мнение авторов, считающих, что отличительной особенностью этих ОРМ является их проведение на основании постановления, утвержденного руководителем органа, осуществляющего ОРД [3]. Представляется, что сущностное отличие соответствующих инструментов ОРД следует связать с их особой правовой природой, вследствие которой возможно вынужденное причинение вреда различным правоохраняемым интересам, посягательство на которые органы правопорядка обязаны пресекать. В частности, при проведении проверочной закупки наркотических средств действия сотрудников оперативных подразделений имеют внешнее сходство со сделкой, совершаемой с целью, противной основам правопорядка. При этом субъекты ОРМ становятся фактическими обладателями таких изъятых из гражданского оборота объектов, как наркотические средства, психотропные вещества и их прекурсоры, а также инструменты или оборудование, за незаконное приобретение которых УК РФ устанавливает уголовную ответственность (ст. 228) [4; 5].

Между тем в российском оперативно-розыскном законодательстве институт вынужденного причинения вреда при осуществлении ОРМ не сформирован. Казалось бы, в Федеральном законе от 12.08.1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее — ФЗ об ОРД) содержится норма, согласно которой при защите жизни и здоровья граждан, их конституционных прав и законных интересов, а также для обеспечения безопасности общества и государства от преступных посягательств допускается вынужденное причинение вреда правоохраняемым интересам должностным лицом органа, осуществляющего ОРД, либо лицом, оказывающим ему содействие, совершаемое при правомерном выполнении указанным лицом своего служебного или общественного долга (ч. 4 ст. 16). Следует обратить внимание, что законодатель не устанавливает правовые границы, в пределах которых может действовать правоприменитель. Однако в отсутствие дополнительных предписаний соответствующая норма не устраняет сомнений в обоснованности

вынужденного причинения вреда при осуществлении ОРД, следовательно, не способствует разрешению правовых конфликтов между различными участниками оперативно-розыскных отношений. Очевидно, что для надлежащего правового регулирования рассматриваемых оперативно-розыскных отношений необходимо отразить степень опасности преступного посягательства, угрожающего общественным отношениям, защиту которых обеспечивает государство. Кроме того, правовому регулированию подлежит определение качественных и количественных характеристик вреда, вынужденно причиняемого правоохраняемым интересам (его вид, размер и др.), а также критерии правомерного выполнения служебного или общественного долга сотрудником оперативного подразделения (содействующим лицом).

Проблемы вынужденного причинения вреда при осуществлении ОРД привлекают внимание различных ученых. Так, А. Е. Чечетин полагает, что при проведении проверочной закупки, оперативного эксперимента, оперативного внедрения и контролируемой поставки используются уголовно-правовые институты крайней необходимости (ст. 39 УК РФ) и обоснованного риска (ст. 41 УК РФ) [6]. Хотя позиция автора обусловлена существующими правовыми реалиями, такой подход представляется спорным вследствие смешивания неоднородных правовых институтов. Применительно к проблеме причинения вреда при осуществлении ОРМ «оперативное внедрение» одна группа ученых считает, что лицо, внедренное в преступную группу, должно имитировать преступную деятельность, а не совершать преступления. В то же время другая группа авторов придерживается точки зрения, что внедренному лицу допускается совершать «малозначительные преступления», а также принимать участие в планировании и подготовке других, более тяжких. При этом не раскрывается понятие «малозначительные преступления», а соответственно не указывается граница, при пересечении которой преступления уже не являются «малозначительными» [7]. Н. С. Железняк, изучая необходимость совершения действий, содержащих признаки преступлений внедренным лицом, считает, что проникновение в преступную среду и закрепление в ней является весьма сложным процессом, как с позиции его организации, так и с позиции осуществления. Данное мероприятие требует создания доверительной атмосферы в отношениях внедренного лица с членами преступной группы, которые представляют оперативный интерес. Действительно, для того чтобы завоевать определенный авторитет в преступной группе, а также заслужить доверие ее членов, необходимо показать, что являешься «своим». Для этого необходимо заниматься той же самой деятельностью, что и участники группы [8].

В ряде зарубежных стран данной проблемы не существует, т. к. в законодательстве допускается возможность причинения правомерного вреда при осуществлении служебных обязанностей, направленных на пресечение более тяжких преступлений. Так, М. П. Смирнов отмечает, что в уголовном праве США существует правовой институт ложного или мнимого соучастия, что позволяет внедренному лицу изображать из себя соучастника преступной деятельности без опасения быть привлеченным к уголовной ответственности [9].

Значительный интерес представляет опыт правового решения исследуемой проблемы в Республике Беларусь, поскольку в ее уголовном законодательстве среди обстоятельств, исключающих преступность деяния, предусмотрено пребывание среди соучастников преступления по специальному заданию (ст. 38 УК). Рассматривая обстоятельства, исключающие преступность деяния, через призму регулирования оперативно-розыскных отношений, можно выделить следующие условия правомерного причинения вреда внедренным лицом:

1. Лицо выполняло специальное задание по предупреждению, выявлению или пресечению преступления.
2. Преступление было вынужденно совершено в соучастии.
3. Совершенное преступление не являлось тяжким или особо тяжким, связанным с посягательством на жизнь или здоровье человека.

Полагаем, что решение проблемы заключается в формировании правового института вынужденного причинения вреда правоохраняемым интересам при осуществлении ОРД. При этом следует исходить из понимания обособленности этих общественных отношений, что обуславливает необходимость их самостоятельного нормативного правового регулирования, но не исключает межотраслевого характера совокупности норм, образующих соответствующий правовой институт. В качестве отдельной новеллы законодательства предлагаем дополнить главу 8 УК РФ нормой, которая предусматривает новое обстоятельство, исключающее преступность деяния, — причинение вреда правоохраняемым интересам сотрудником оперативного подразделения или лицом, оказывающим содействие правоохранительным органам, внедренными в преступную группу в рамках проведения ОРМ «оперативное внедрение», с целью скрыть свою принадлежность к правоохранительным органам, а также приобрести доверие участников данной преступной группы. Основным параметром качественных и количественных характеристик вреда, вынужденно причиняемого правоохраняемым интересам, следует считать возможность совершения преступлений небольшой и средней тяжести, не посягающих на жизнь и здоровье человека.

Список основных источников

1. Вагин, О. А. Оперативно-розыскные мероприятия и использование их результатов : учебно-практическое пособие / О. А. Вагин, Л. П. Исиченко, Г. Х. Шабанов. – М. : Издательский дом Шумиловой И.И., 2006. – С. 11-14.
2. Овчинский, С. С. Оперативно-розыскная информация : монография / С. С. Овчинский ; под ред. А. С. Овчинского, В. С. Овчинского. – 2-е изд., доп. – М. : ИНФРА-М, 2017. – С. 61.
3. Оперативно-розыскная деятельность : учебник для вузов / Е. С. Дубоносов. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : Изд-во Юрайт, 2012. – С. 246.
4. Чумаров, С. А. О понятии проверочной закупки наркотических средств / С. А. Чумаров // Вестник Сибирского юридического института ФСКН России. – 2012. – №2(11). – С. 108–113;

5. Шашин, Д. Г. Проверочная закупка наркотиков : документирование и использование результатов : практическое пособие / Д. Г. Шашин. – Улан-Удэ : Изд-во БГУ, 2008.

6. Основы оперативно-розыскной деятельности : учеб. пособие. – 3-е изд., доп. и перераб. / под ред. А. Е. Чечетина. – Барнаул : Барнаульский юридический институт МВД России, 2007. – С. 19.

7. Воронин, М. Ю. Об обстоятельствах, исключающих преступность деяния в процессе осуществления ОРД / М. Ю. Воронин // Вестник ВИПК МВД России. – 2015. – № 1. – С. 49.

8. Железняк, Н. С. О правовом обеспечении защиты конфиденентов от неправомерного привлечения к уголовной ответственности / Н. С. Железняк // Актуальные проблемы теории борьбы с преступностью и правоприменительной практики: межвуз. сб. науч. тр. – Красноярск, 2004. – Вып. 7. – С. 213–230.

9. Смирнов, М. П. Комментарии оперативно-розыскного законодательства РФ и зарубежных стран : учебное пособие / М. П. Смирнов. – М. : Издательство «Экзамен», 2003. – С. 213.

УДК 343.5

Д. В. Шаблинская
начальник отдела исследований в области
правоохранительной деятельности и осуществления правосудия
Института правовых исследований Национального центра
законодательства и правовых исследований Республики Беларусь,
кандидат юридических наук, доцент

СИСТЕМНОСТЬ ОХРАНЫ СУБЪЕКТОВ СЕМЕЙНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

На протяжении существования Республики Беларусь как суверенного государства обеспечение благополучия и укрепление института семьи являются основными приоритетами социальной политики. Эффективная реализация прав и законных интересов субъектов семейных правоотношений не представляется возможной без такого механизма, как юридическая ответственность, причем мерам уголовной ответственности в этом направлении отводится далеко не последняя роль.

На сегодняшний день учеными и практическими работниками поднимается вопрос о совершенствовании правового регулирования положений уголовного закона об охране участников семейных правоотношений. Однако теоретический анализ уголовно-правовой доктрины не является достаточным для получения исчерпывающего результата. Одним из приемов (способов) научного познания является сравнительно-правовой метод, широко применяемый в юриспруденции для исследования системы права, тех или иных юридических институтов либо отдельных правовых категорий.